

УДК 800.1

Эмпирическое обыденное сознание и языковая картина мира

А.Е. Оксенчук

В конце XX века в лингвистике все чаще возникал вопрос о необходимости разработки общей глобальной теории «антропологии языка». Главный тезис антропологической лингвистики о том, что язык есть конститутивное свойство человека, как теоретическая идея был разработан в лингвофилософской концепции В. Гумбольдта, который в ряде своих работ заложил основы развития идеи «языкового мировидения». Определить сущность человека как человека, по В. Гумбольдту, означает «выявить силу, делающую человека человеком» [1]. Мышление и язык тесно связаны друг с другом на всех этапах своего существования. Мышление состоит в рефлексии, т.е. не представляет собой прямого отражения (отображения, изображения) мира, его нельзя считать также непосредственным продуктом впечатления о предметах или произвольным творением говорящего. В языке осуществляются акты *понимания* человеком мира.

Проведение антропологической программы изучения языка выдвинуло на первый план исследование целого ряда проблем, связанных с отношениями человека и его языка: язык и общество, взаимоотношения языка и индивида, язык и культура, языковая история и история народа и др.

Одна из этих проблем связана с понятием *картины мира*. Понятие картины мира относится к числу фундаментальных, выражающих специфику человека и его бытия, взаимоотношения с миром, важнейшие условия его существования. Введение понятия «картина мира» в современную лингвистику помогает различать два вида влияния человека на конститутивные свойства языка и влияние на язык различных картин мира человека – религиозно-мифологической, философской, научной, художественной, обыденной. Язык, по мнению И.М. Бонгарда, Е.П. Никитина и других современных лингвистов, выражает и эксплицирует картины мира человека, которые посредством специальной лексики включаются в язык, окрашивая его отношением человека с его культурой. Сам феномен «картина мира» по возрасту равен человеку, хотя реалья, именуемая термином «картина мира» (термин был выдвинут в рамках физики в конце XIX – н. XX веков и впервые был употреблен Г. Герцем) стала предметом научного рассмотрения не так давно и находится в стадии своего формирования. Однако, по утверждению В.Б. Касевича, существует функциональная разница между двумя типами картины мира – научной и наивной. «Сколько бы ни вбирала в себя последняя (наивная) элементы научного знания, ее задача заключается в том, чтобы служить своего рода базой данных и базой знаний, без которых невозможно принятие любых повседневных решений как текущего, так и долговременного характера», – пишет ученый [2].

Одновременно с разработкой понятия «картина мира» в рамках рефлексии над наукой мировидение и картина мира изучались в культурологии и лингвосомиотике. В 40-е годы А.М. Золотаревым в этнографическом исследовании о дуальной организации общества был поднят вопрос об опровержении «готового трафарета», который использует человек при классификации и моделировании мира [3].

В 60-е годы проблема картины мира рассматривается в рамках семиотики при изучении моделирующих систем языка и вторичных моделирующих систем (мифа, религии, фольклора, поэзии, прозы, кино, живописи и т.д.). Культура при этом трактуется как «ненаследственная память коллектива», ее главной задачей, по утверждению Ю.М. Лотмана, Б.А. Успенского, считается структурная организация окружающего мира.

Исходным пунктом исследований по семиотике культуры было утверждение, что «разные знаковые системы по-разному моделируют мир». В рамках лингвистики неоднократно предпринимались попытки реконструировать картины мира: славян [4], средневековый «образ мира» [5], скифскую мифологическую модель и другие частнонаучные картины мира, смоделированные В.С. Степиным, Л.Б. Баженовым.

В XX веке исследование языковой картины мира совершается в рамках гипотезы лингвистической относительности (Л. Вайлербер, Э. Сепир, Б. Уорф и др.). В лингвистике возникновение понятия «языковая картина мира» является симптомом пробуждения когнитивной лингвистики как части лингвистики, развиваемой на антропологических началах. Понятие «языковая картина мира» помогает глубже решать вопрос о соотношении языка и действительности, инвариантного и идиоматического в процессах языкового «отображения» действительности как сложнейшего процесса интерпретации человеком мира. Сам термин «языковая картина мира» – это не более, чем метафора, ибо в реальности специфические особенности национального языка, в которых зафиксирован уникальный исторический опыт определенной национальной общности людей, создают для носителей этого языка не какую-то иную, неповторимую картину мира, отличную от объективно существующей, а лишь специфическую «окраску» этого мира. Отражение реального мира происходит в мышлении, но, чтобы связать язык с этим миром, человек создает знаки и связывает язык с действительностью через отнесение к ней знаков (см. подробнее [6; 7; 8]). Язык в значительной степени объективирует, фиксирует интерпретирующую деятельность человеческого сознания и тем самым делает ее доступной для изучения. Академик Б.А. Серебrenников подчеркивал, что «...языковая картина мира выполняет две основные функции: 1) означивание основных элементов концептуальной картины мира и 2) экспликация средствами языка концептуальной картины мира». Он замечал также, что «... утверждение многих лингвистов и философов, будто бы язык отражает действительность, основано на недоразумении... язык не отражает действительность, а отображает ее знаковым способом» [9].

Обозначение как форма отношения слова к действительности выступает в специальной форме названия. Звуковая сторона слова является той материальной, чувственно воспринимаемой основой, благодаря которой слово становится знаком второй сигнальной системы и тесно связывается с функцией отражения действительности. По мнению В.М. Богуславского, в понятиях откладывается общественно-историческая практика людей, резюмируется знание, накопленное в течение длительного времени. Между тем, объем све-

дений об объекте, выделенном словом, не так уж велик и ограничивается минимумом дифференциальных признаков. В.Ф. Асмус замечает по этому поводу, что «... для задач практической жизни и для научного познания достаточно, если из всего огромного множества свойств предмета мысль наша выделит некоторые из этих свойств таким образом, что каждый из признаков, отличающий эти свойства, отдельно взятый, окажется совершенно необходимым, а все признаки, взятые вместе, окажутся совершенно достаточными для того, чтобы при их помощи отличить данный предмет от всех других, познать данный предмет по какой-то стороне его содержания» [10]. Сумма дифференциальных признаков не раскрывает, конечно же, полностью сущности предмета, но в силу того, что у всех говорящих на данном языке минимум этих дифференциальных черт одинаков, слово возбуждает этот минимум и указывает на объект обсуждения.

Язык – один из составных элементов единого процесса – восприятия человеком объективной действительности, отражения и хранения ее в сознании. В языке закрепляется общественно-исторический опыт – как общественный, так и национальный. Последний и определяет специфические особенности языка на всех его уровнях. В силу специфики языка в сознании его носителей возникает *языковая картина мира*.

Роль языка состоит, по мнению Дж. Брунера, не только в передаче сообщения, но «...в первую очередь, во внутренней организации того, что подлежит сообщению» [11], возникает как бы «пространство значений» (в терминологии А.Н. Леонтьева), т.е. закрепленные в языке знания о мире, куда непременно вплетается национально-культурный опыт конкретной языковой общности. Формируется общий мир говорящих на данном языке, т.е. языковая картина того или иного народа. Между тем существуют национальные языки, специфика которых обусловлена содержанием и способом деятельности, образом жизни, условиями природной и социальной среды, в том числе материальной и духовной культурой. Национальные языки как «орудия» не создают для их носителей субъективной картины мира, а лишь влияют на ее специфику в знаковом отображении.

Язык, с точки зрения В.А. Масловой, направляет способность специфического видения и понимания мира [12]. Так, в языке азиатских эскимосов есть около 20 названий моржа, в чукотском много слов для определения цвета снега. Но человек воспринимает не только то, что ему «подсказывает» язык. Картина мира вообще, которую можно также назвать знанием о мире, лежит в основе индивидуального и общественного сознания. Она не есть простой набор «фотографий» предметов, процессов, свойств и т.д., ибо включает в себя не только отраженные объекты, но и *позицию отражающего субъекта*, его *отношение* к этим объектам, причем позиция субъекта – такая же реальность, как и сами объекты. Стабильная картина мира какими-то очень сложными способами соотносится с позитивными установками субъекта. Скорее всего *позитивность* – это настроенность сознания на благоприятную для человека привычность. Как подтверждают эксперименты на свободные ассоциации, подсознательно человек в большей степени ориентирован на идеальную картину мира. Психологи объясняют способность чувственного вращивания в парадигму собственных представлений существованием интегрального образа реальности, своего рода призмы, которая фильтрует восприятие на осознаваемом и неосознаваемом уровнях и вместе с тем является для субъекта, по выражению А.А. Гостева, «самоочевидной реальностью, а потому облада-

ет чувствами интимности и исключительности, приводит к уверенности в том, что собственное видение мира единственно правильное» [13]. Типология существования интегрального образа реальности в сознании индивидуумов чрезвычайно пестра, причудлива, составляет сложнейшую гамму восприятия – от самого примитивного до изощренно тонкого. Более того, поскольку отражение мира человеком не пассивный процесс, а деятельный, отношение к объектам не только порождается этими объектами, но и способно через деятельность изменить их.

Система социально-типичных позиций, отношений, оценок находит знаковое отображение в системе языка и принимает участие в конструировании языковой картины мира.

Но картина мира в языке отражается не всегда последовательно, правильно и точно в силу того хотя бы, что язык не располагает очень большим количеством выразительных средств. Эти средства в любом языке более или менее ограничены, неполны и недостаточно совершенны, язык, по выражению Б.А. Серебренникова, «очень часто выражает что-либо приблизительно, вынужден идти к своей цели сложными и окольными путями» [14]. Увидеть эти «пути», обнаружить механизмы отображения в человеческом языке окружающего мира позволяет исследование языковой картины мира. Концептуальная картина мира много богаче, разнообразнее языковой, в ее формировании участвуют различные типы мышления. Но обе картины мира между собой тесно связаны. Эта связь в языке осуществляется по двум направлениям: *язык означает отдельные элементы концептуальной картины мира и объясняет ее содержание*. Составными частями картины мира являются слова, формы, средства связи между предложениями, синтаксические конструкции. В объяснении концептуальной картины мира участвуют вышперечисленные элементы языковой картины мира, поэтому объяснения не входят в языковую картину мира.

Человеческое сознание, антропологическое по своей природе, выводит в центр картины мира самого человека, предлагая познавать мироустройство через призму его образа. Безусловно, образ человека в концептуальной картине мира носителей русского языка богаче, многообразнее, чем тот, который запечатлен в ее языковом воплощении. Язык отображает этот образ по-своему. В наиболее ярком виде следы такого отображения сохраняются в богатейшем слое языка – его соматической фразеологии, с помощью которой может быть представлен весь мир. Например, **координаты расположения в пространстве**: «совсем близко» – *под носом, под рукой*; «рядом» – *плечом к плечу*; «далеко» – *насколько хватает глаз*; **темпоральные отрезки**: «скоро» – *на носу*; «быстро» – *одна нога тут, другая там*; «неожиданно» – *как снег на голову*; «начало» – *в первую голову*; «прошлое» – *за плечами*; **категории меры**: «в полном объеме» – *с головы до ног*; «с избытком» – *по самые уши*; «недостаточно» – *с гулькин нос*; **различные способы действия**: «активно» – *не покладая рук*; «пассивно» – *сложла руки* и т.д.

Для более полного выявления языковой картины мира носителей того или иного языка важны такие факторы, как образное восприятие, физическое взаимодействие, ментальные образы и роль реалий в культуре. Согласно теории когнитивизма, наша концептуальная система, отображенная в виде языковой картины мира, зависит от физического и культурного опыта и непосредственно связана с ним [15]. На языковом

уровне можно выявить некоторую специфику когнитивных моделей, определяющих своеобразие наивной картины мира. Язык, его идиоматический фонд в частности (сам по себе сформировавшийся как результат метафоризации или метонимизации [16]), сохраняет достаточно четкие следы когнитивных процессов, составляющих ту часть опыта человека, которая ограничена человеком и воспринимается самим человеком.

Известно, что по сравнению с языком мышление богаче по своему содержанию и подвижнее. Процесс мышления заключается в образовании все новых связей между различными представлениями и понятиями, ему, по выражению Б.А. Серебренникова, свойственна постоянная «текучесть». Слова же характеризуются устойчивостью, консервативностью по сравнению с понятиями, и поэтому они менее адекватно отражают процесс развития действительности. Познание мира не свободно от ошибок и заблуждений. Концептуальная картина мира человека поэтому постоянно меняется, «перерисовывается», тогда как языковая картина мира еще долгое время хранит следы этих ошибок и заблуждений. Так, довольно часто для обозначения и передачи состояния эмоционального подъема говорящий использует фразеологизм *воспарить душой*, не осознавая, что это средство языка связано с архаическими представлениями о наличии внутри человека животворящей субстанции – души, которая мыслилась в мифологической картине мира в виде пара и могла покидать тело, перемещаясь к небесам.

Картина мира, отражаемая национальным обыденным сознанием, запечатлевается его носителями в некотором целостном, относительно устойчивом во времени состоянии, на деле является, по выражению Ю.А. Караулова, «продуктом длительного исторического развития и объектом межпоколенной передачи опыта» [17]. По мнению В.Б. Касевича, картина мира, закодированная средствами языковой семантики, со временем может оказываться в той или иной степени пережиточной, реликтовой, лишь традиционно воспроизводящей былые оппозиции, в силу естественной недоступности иного языкового инструментария; с помощью последнего создаются новые смыслы, для которых старые служат своего рода строительным материалом. Иначе говоря, возникают расхождения между семантической системой языка и той актуальной ментальной моделью, которая действительна для данного языкового коллектива и проявляется в порождаемых им текстах, а также в закономерностях его поведения.

Противоречивая мозаика картины обыденного сознания может быть объяснена и связана воедино его особым интерпретирующим характером, специальным способом восприятия объективной действительности. Наивная картина мира складывается как ответ на, главным образом, практические потребности человека, как необходимая когнитивная основа его адаптации к миру. «Для наивной картины мира ее целостность в каждый данный момент является необходимым условием, без которого она во многом теряет свои адаптивные функции», – замечает В. Касевич. [2, с. 78].

Речь идет о собственно человеческом предметном отражении объективной действительности, закрепляемом, в первую очередь, с помощью языковых эталонов. Эталоны воспроизводятся из поколения в поколение и связаны с миропониманием народа. «Эталон – это характерологически образная подмена свойства человека или предмета какой-либо реалией, персоной, натуральным объектом, вещью, которые становятся знаком доминирующего в них свойства» [18]. По всей вероятности, совокупность

предметных образно-наглядных эталонных представлений о предметах, явлениях, с которыми человек на протяжении жизни встречается чаще, чем с другими; в целом формирует некоторую стабильную языковую картину отражения объективной действительности. Наивная картина мира отличается значительной прагматичностью. Прагматичность эта особого рода. Претендуя на абсолютную истину, знания данного типа могут сколь угодно отходить от того, что посчитала бы объективной истиной традиционная наука. Их критерием выступает не формально-логическая непротиворечивость, а сама по себе целостность и универсальность модели, ее способность служить объясняющей [пусть реально и квазиобъясняющей] матрицей для структурирования опыта [7].

В свое время В. Гумбольдт обратил внимание на «предметность» человеческого языка, отмечая, что «язык выражает свои мысли и чувства как предметы» [1, с. 378]. «Языковое понятие о предмете (денотате), – пишет А.А. Уфимцева, – формируется в результате восприятия внешних свойств предметов органами чувств: видимое, пространственно различимое, слышимое, осязаемое на вкус или осязание и т.д.» [19].

Внешнее сходство целостного зрительного образа нередко лежит в основе бытовой классификации, отождествляющей объекты в силу такого сходства, в отличие от научной классификации. Например, в русских идиомах: *по уши* (влюбиться по самые уши), *по горло* (сыт по горло), *с головой* (ушел в работу с головой) соматизмы, называющие различные части тела с различными жизненно важными функциями, могут быть объединены в одну тематическую группу – «указание на эталон физического предела». Обыденное сознание выделяет типичный для этих частей тела человека признак «расположение вверху» и объединяет их в одну группу на основе этого признака, что и фиксируется в языковой картине мира.

Общность выполняемой функции в бытовой практической деятельности человека в его сознании может объединять объекты в одну группу, например, общность функции таких органов, как рот и глаза при выражении удивления человека обозначается в языке с помощью идиом *раскрыть рот*, *таращить глаза*.

Различие функций разграничивает даже очень близкие в научной классификации объекты, например, в ФЕ *встать на ноги* – «обрести самостоятельность, независимость» и *встать на колени* – «выражать свою покорность» колени, как часть ног, противопоставлены собственно ногам, так как в составе идиомы соматизм *колени* приобретает квазисимвольное значение «вид недопустимой опоры» в отличие от значения соматизма *ноги* – «вид необходимой опоры».

В языковой картине мира возможно и расширение понятий по сравнению с научной картиной мира, например, соматизм *сердце* в составе идиом обозначает не только орган кровообращения, но и «центр эмоциональных переживаний», «источник чувств» (например, *принимать близко к сердцу*, *с чистым сердцем* и т.д.).

В обыденном сознании образы нередко представлены с доминантными перцептивными признаками, в различной степени закрепленными или вовсе не закрепленными языковой картиной мира. Так, один из признаков такой части тела, как шея – «опора для головы», «удерживать голову» не отражен идиоматической языковой картиной мира, в которой у соматизма *шея* актуализируется другой признак – «вид опоры для

кого-либо» (*сесть на шею, повиснуть на шее* и т.д.) или «локация наказания» (*намылить шею, дать по шее*).

Важную роль в формировании стереотипов и эталонов играет частота встречаемости определенных объектов, явлений в жизни людей, нередко выражающаяся в более продолжительных человеческих контактах именно с данными объектами по сравнению с другими, что и приводит к стереотипизации подобных объектов. Так, в системе соматических фразеологизмов достаточно определенно можно выявить закономерность, когда эталонами человек выбирает себя самого или свои части. При классификации, категоризации, как и в любой ментальной деятельности человека, последний неизменно оказывается «мерой всех вещей». Прагматический эгоцентризм структурирует деятельность таким образом, чтобы она оптимально выстраивалась в когнитивном поле человека, была максимально удобной. Необозримые пространства, трудовую и интеллектуальную деятельность, бурю своих чувств человек измеряет через себя самого (*насколько хватает глаз, каша в голове, не покладая рук, сердце переполняется* и т.д.), принимая все в себя и распространяя себя на окружающий мир. Языковая картина мира сохраняет модель такого антропоцентризма и во времена, когда человек обесценивается или избирает другие ценностные приоритеты.

В каждой языковой картине мира могут быть и случайные эталонные лакуны, логически не объяснимые: например, в русских представлениях существует эталон размера по вертикали (*высокий, как жердь, как верста коломенская*), но слабо сформирован эталон длины по горизонтали (ср. в арабск. *длинный, как река; длинный, как змея*).

При использовании целостных образов в качестве эталонов без указания основания сравнения на первый план может выдвигаться одобрительное или неодобрительное эмоциональное отношение субъекта речи к обозначаемому. Подобные фразы, по мысли В.Н. Телия, «нацелены в первую очередь на определенный эффект воздействия на адресата, а сам выбор слова может быть квалифицирован как речевой поступок» [20]. Иначе говоря, главное назначение целостных образов – «выплеснуть» переполняющие через край эмоции субъекта речи, далеко не всегда анализируя причины их возникновения. Так, используя в своей речи идиому *лизать пятки*, говорящий прежде всего выражает свое презрение к поведению другого лица, или же при употреблении фразеологизма *плюнуть в душу* в первую очередь выражается осуждение поступка некоего деятеля.

При выражении эмоционального отношения субъекта к обозначаемому с помощью целостного образа на первое место могут выдвигаться особенности зрительного кодирования. А.А. Леонтьев высказал предположение о том, что в словах с конкретным значением на самом деле мы имеем дело не со словами, а с чувственным образом [21]. По-видимому, какие-нибудь яркие детали перцептивного образа, лежащего в основе ФЕ – *золотые руки, светлая голова, глаз-алмаз* и т.п. – примерно так же удостоверяют истинность, натуральность этих образов на визуальном уровне, как на уровне вербального кодирования усилитель, выраженный словом **настоящий** (*золотые руки*, т.е. умелые, хорошие – настоящие руки). В развернутых метафорах примерно ту же роль удостоверяющего знака может играть типичное место расположения, например, *на носу* – о надвигающихся событиях. В образе этой идиомы актуализируется признак «близкое расположение носа по отношению к глазам». Обыденное сознание переносит этот признак

на темпоральную характеристику некоего событийного состояния: «как если бы ожидаемые события оказались очень близко от глаз, и их можно было бы рассмотреть».

Интегральный образ реальности, кроме отражения действительности, познанной эмпирическим путем, включает также «символическую вселенную». Мифология, религия, искусство, определяющие парадигмы научных представлений, и, конечно, язык являются элементами этой вселенной. Символическая вселенная в значительной степени национально-специфична, не мотивирована с точки зрения здоровой логики синхронного обыденного сознания. Корни мотивации уходят в мифологию, фольклорно-поэтическую традицию, природу басен и сказок, которые идут не от реальности, а от фантастики, приписывая объектам те свойства, которых у них нет. Эта символическая вселенная, т.е. сумма самых разнообразных константных культурных представлений – мифологических, библейских, фольклорных, литературных и т.д. – оказывает существенное влияние на интерпретирующий характер языковой картины мира.

Эмпирическая и символическая вселенная, отраженные сквозь призму механизма вторичных ощущений в процессе деятельности, – это главные факторы, которые определяют универсальность и специфику любой конкретной национальной языковой картины мира. Стереотипные эталоны, почерпнутые из эмпирической вселенной, благодаря общности человеческого миропорядка в значительной степени универсальны (за исключением местных реалий), именно из этой среды рождаются классические эталоны типа: *под самым носом* – «совсем близко», *на сколько хватает глаз* – «далеко впереди», *брать в свои руки* – «власть»; *сердце не на месте* – «тревога», *рвать волосы* – «горе, раскаяние» и т.д.

При этом важным обстоятельством является разграничение универсального человеческого фактора и национальной специфики в различных языковых картинах мира. Поскольку генетический механизм оценки телесных ощущений универсален, то, переплетаясь с человеческой деятельностью, одновременно и универсальной, и национально-специфической, он неизменно приводит в результате такого взаимодействия к созданию языковых картин мира как с типологически общими, так и индивидуальными особенностями.

По-видимому, к универсальным особенностям языковой картины мира относится закрепление за определенным органом роли хранителя эмоций. Так, в китайской традиционной медицине и верованиях *печень* считалась средоточием всего плохого: гнева, злобы, похоти. В русском языке *печень* в идиоме *сидеть в печенках* вызывает представление о чем-то очень надоевшем, как бы травмирующем сущность человека; в японском и ряде других языков «печенка» символизирует орган чувств.

Однако в синхронном обыденном сознании среднестатистического носителя языка эталоны эмпирической и символической вселенной существуют как одинаково привычные, чувственно достоверные. К тому же между ними исчезает отчетливая граница, происходят постоянные взаимообмены. Между явно наблюдаемыми эмпирическими объектами и явно условными, не мотивированными с точки зрения здоровой логики пролегает зона промежуточных случаев. Так, наблюдаемые человеком эмпирически свойства объектов, например, способность руки *хватать*, *держать* не просто «фотографируются» в сознании, а преломляются сквозь призму определенных

антропоцентрических сценариев и запечатлеваются в идиомах *держатъ в своих руках*, т.е. в своей власти, *с руками оторвать*, т.е. быстро забрать, *с пустыми руками*, т.е. ничего не приобрести, не принести и т.д.

Эмпирически, перцептивно воспринимаемая человеком деятельность с типичной фауной, флорой, рельефом, климатом, в условиях которой протекает жизнедеятельность того или иного народа, определяет установленный миропорядок, отображается в каждой конкретной языковой картине мира одновременно интернационально и глубоко национально.

Интегральный образ реальности обыденного сознания прежде всего включает повторяющиеся представления как повседневной эмпирической практики, так и символической вселенной. Каждый тип культуры, славянский в том числе, вырабатывает свой символический язык и свой «образ мира», в котором получают значения элементы этого языка. Единицы естественного языка приобретают в языке культуры дополнительную, культурную семантику. Так, в языковом сознании представителей славянской культуры слово **голова** является не только выразителем семантики «верхняя часть тела», но и вербальным символом центра разума, интеллекта, высшей ценности. Эта культурная семантика строится на магическом и мифологическом осмыслении таких признаков обозначаемой словом части тела, как «расположение вверху, в области небес, противоположно низу, области перерождения», «руководство действиями, поступками», «хранение и воспроизведение нужной информации» и т.п., которые входят в ядерную дефиницию лексемы **голова**. Так, признак «расположение вверху», мифологически переосмысливается при описании ситуаций, названных идиомами *голова горит*, *голова идет кругом*, *ходить на голове*. В этих идиомах восстанавливается связь с символикой микрокосма славян, в которой все, что относится к верхней части тела, связывается с небом и его главными объектами – солнцем, луной и звездами [3].

Другой релевантный признак «руководство действиями, поступками» позволяет связывать соматизм **голова** с целым рядом контекстов традиционной обрядности, верований и ритуалов, следы которых сохранились в идиомах *посыпать голову пеплом*, *с повинной головой* и др.

Выбор эталонов или символов в наивной картине мира, как правило, мотивирован. Мотивация эта зависит от характеристики всей концептуальной системы и может быть выявлена в некоторых случаях на уровне языковой картины мира. Принимая во внимание научные данные, связанные со спецификой процессов отображения фрагментов мира эмпирическим, обыденным сознанием, нами был выявлен ряд наглядных эталонных представлений об образе человека, которые в языковой картине мира носителей русского языка закрепились посредством семантики лексем-соматизмов. Это следующая группа эталонов: «**эталон нормы расположения в пространстве, пространственной ориентации**» – устанавливается с помощью соматизмов **спина**, **ухо**, **нос**, **бок**, **рука** (например: *нос в нос*, *бок о бок* и т.д.); «**эталон нормы размера, величины**» – выражен соматизмами **плечи**, **нос** (*с гилькин нос*, *с чужого плеча*); «**эталон возрастной нормы**» – отображен лексемой **нос** (*нос не дорос*); «**эталон физического предела**» – создан соматизмами **уши**, **рот**, **глаза** (*во все глаза*, *во весь рот*); «**эталон нормы**» – установлен лексемами **голова**, **нос** (*иметь голову на плечах*, *задрать нос* и др.); «**эталон ме-**

ры достатка, объема» – отображен через лексемы глаза, руки (*щедрой рукой, за глаза <хватит>*); «эталон меры ценностности» – реализуется посредством лексемы глаза (*пуще глаза*); «эталон верхнего предела» – устанавливается с помощью соматизма «голова»; «эталон нижнего предела» – соматизмом ноги (*с головы до ног, с головой* и т.д.); «эталон меры эмоционального предела» – установлен с помощью лексемы сердце; «интеллектуального предела» – лексемой голова (*хвататься за сердце, хвататься за голову* и т.п.).

Для любой картины мира первичными и организующими являются пространственные и временные соотношения. Сами по себе пространственные отношения оказываются теми «примитивами», к которым сводятся более сложные представления. В восприятии пространства носителями русского языка эталоны расположения в пространстве зачастую устанавливаются при активном участии лексем-соматизмов. В системе соматических идиом отображена определенная закономерность в выборе эталонов пространственных координат. Фразеологизмы этой группы малопродуктивны и обозначают место или месторасположение относительно субъекта речи. Большинство этих ФЕ репрезентируют локацию по вертикали «верх/низ» или по горизонтали «вперед/назад», «слева/справа». Эталоны координат по вертикали «заложены» во фразеологизмах: *под ногами* – «совсем близко», *из-под <самого> носа* – «совсем близко, *под рукой*» – «близко внизу на доступном расстоянии». Эмпирическое обыденное сознание сближает реалии, названные соматизмами нос и рука, на основе их внешнего сходства целостного зрительного образа: и нос, и рука – выступающие части тела, делящие вертикальное пространство на верх и низ, прерывающие «луч» вертикали. В идиоме *под рукой* совмещаются в процессе взаимодействия в одно категоризирующее номинативное основание смыслы «близко», «в радиусе действия руки» и образное основание «быть накрытым ладонью руки». В значение не входит смысл «непосредственное касание», характерный для эмпирического образа, так как он слишком конкретен для номинативного замысла. Категориальная близость этого номинативного замысла и эмпирического образа, лежащего в основе этой ФЕ, не создает условий для психологического напряжения (в отличие от двух других фразеологизмов *под носом, из-под самого носа*), т.е. эмпирический образ сбалансирован по отношению к типовому представлению и данному значению. Сама эта идиома выполняет идентифицирующую функцию и не развита в эмотивном отношении. Во фразеологизмах *под носом, из-под <самого> носа* образное основание представляет собой редуцированный эмпирический образ «быть накрытым носом и быть не видимым для глаз». Такой образный гештальт стимулирует эмотивное отношение говорящего/слушающего к наименованию локации, вызывая неодобрение. По этой причине пространственные наречные ФЕ такого типа не идентифицируют, а квалифицируют локацию, обретая свойства оценочно-экспрессивного значения, прежде всего предиктирующего признак: *<находиться> под носом* – «настолько близко по отношению к глазам, что не увидеть невозможно».

Еще одна группа идиом отображает пространственную эталонизированность частей тела в несколько ином аспекте – как эталоны нормы расположения в пространстве по вертикали. Эта группа объединяет фразеологизмы *гнуть спину*, т.е. находиться выше нормального уровня, *повесить нос, опустить плечи*, т.е. находиться ниже нор-

мального уровня. В эмпирическом обыденном сознании эталонизируются и объединяются в одну группу такие части тела, как **спина**, **нос** и **плечи**. Это объединение базируется на общности выполняемой ими функции – способности перемещаться в пространстве относительно вертикальной и горизонтальной осей координат. В норме для этих частей тела необходимо занимать строго определенное положение: **спина** (спинной хребет) является основной вертикалью в теле человека, **плечи** – это верхняя горизонтальная граница тела; **нос** – верхняя малая горизонталь. Изменение положения этих частей тела как точек координат влечет за собой нарушение нормы, нормального порядка вещей. Номинативное основание этих идиом может быть сведено к смыслам: «вести себя, нарушая принятую норму» (*гнуть спину, задирать нос*) и «чувствовать себя хуже нормы» (*повесить нос, опустить плечи*). Образное основание идиомы *гнуть спину* может быть определено как «изменение положения человека в системе координат существующего миропорядка: спинной столб из вертикали становится горизонталью». Эмпирический образ этой идиомы, редуцированный в гештальт-структуре, вызывает психическое напряжение, реализующееся в эмотивной оценке **осуждение** такого поведения и в рациональной оценке – «это плохо». Во фразеологизмах *задирать нос*, *повесить нос* и *опустить плечи* образ идиомы актуализированно включает черту «стремление линий горизонтали к вертикали», подобное нарушение миропорядка вызывает эмотивную оценку – **неодобрение**. Итак, соматические идиомы выполняют роль эталонов в пространстве, в одном случае, идентифицируя или квалифицируя локацию по вертикали, в другом – устанавливают эталон нормы расположения в системе координат относительно вертикальной и горизонтальной осей.

Пространственные координаты по горизонтали закодированы в следующих группах фразеологизмов: 1) *куда глаза глядят* – определяется неизвестное направление вперед, *куда ноги несут* – неопределенное направление движения, <туда>, *где не ступала нога человека* – неизвестное местонахождение, <насколько> *глаз (хватает)* – далеко впереди, *рукой подать* – довольно близко, *рукой не достанешь* – далеко, но на доступном расстоянии; 2) *под боком (жить)* – совсем недалеко, *нос к носу (столкнуться)* – очень близко, *спереди, нос в нос* – слишком близко, *ухо к уху (стоять)* – рядом, *сбоку, ухо в ухо* – совсем рядом, *сбоку на одной высоте, плечом к плечу (стоять)* – рядом, *сбоку, бок о бок* – совсем рядом, *сбоку*.

В первой группе идиом отображены эмпирические эталоны отдаленного в разной степени горизонтального пространства. Эмпирическим обыденным сознанием объединяются на основе общей функции – перемещение по оси «вперед/назад» – такие части тела, как **глаза**, **ноги**, **рука**. **Ноги** выполняют названную функцию как средство перемещения, **руки** – как средство приближения к себе отдаленных объектов (длина руки составляет более половины длины тела человека и поэтому при необходимости может как бы увеличивать общую длину тела), **глаза** определяют направление движения.

Во второй группе фразеологизмов компоненты-соматизмы объединяются на основе внешнего признака «выступающая, но близко прилегающая часть тела». Эталонность названных реалий обусловлена их возможностью «регулировать» соблюдение границ «собственно тела» как некоего замкнутого самостоятельного объекта, по выражению М.М. Бахтина, «завершенного, строго ограниченного, индивидуально вырази-

тельного тела» [2, с. 358]. Эта группа идиом отображает эмпирические эталоны очень близкого, «соматически» достижимого пространства. В этих ФЕ образное основание включает признак «касясь (и даже дотрагиваясь) друг друга» (сравните, например, *нос к носу, бок о бок* и т.п.). И если в идиомах *бок о бок, плечом к плечу* категориальная близость номинативного замысла и эмпирического образа не создает условий для эмотивности (реально возможно и допустимо находиться совсем рядом настолько, чтобы касаться боками или плечом друг друга), то в ФЕ *нос к носу, нос с носом, ухо к уху, ухо в ухо* на основе эмпирического образа формируется гештальт, вызывающий эмотивную реакцию **неодобрения** т.к. пространственная близость такого рода разрушает целостность границ тела и является нарушением нормы – это не допустимо.

Приобретение частями тела человека свойства эталонности вполне объяснимо здоровым антропоцентризмом. Но не только этим. Восприятие пространства в картине мира никогда не ограничено утилитарно-прагматическими аспектами, но, по утверждению В.Б. Касевича, «...всегда трактуется в системе мировоззренческих оппозиций, релевантных для данного культурно-исторического сообщества: специфические черты того или иного конкретного пространства определяются отношениями не между объектами, а оценочным отношением к пространству субъекта, обычно коллективного» [2, с. 137]. Так, членение пространства в мифологическом мировосприятии осуществляется по признаку «сакральное/профаническое» (в психологии эта оппозиция представлена как проксимальное/дистальное пространство). Проксимальное пространство характеризуется применительно к самому человеку как определенным образом устроенному организму, в отличие от дистального, в котором человек рассматривается как социальный тип. В проксимальном пространстве оппозиции-примитивы «верх/низ», «левый/правый», «передний/задний» отражают представления о том, что непосредственно прилежит к человеку, к его телу. В культуре гротеска это пространство выхода тела за собственные пределы. Поэтому в гротеске всяческие ответвления человеческого тела приобретают особое значение. Эти части тела продолжают собственно тело, связывают его с другими телами или внетелесным миром [22].

Русская фразеология отображает первоначальный смысл оппозиции в формировании пространственных координат относительно человеческого тела. Этот смысл может быть определен, как отграничение пространства, в котором человек ощущает себя в относительной безопасности (пространство, связанное с концептом «свой мир»). «Свое» пространство, особенно для архаического восприятия, является к тому же и сакрально чистым в противоположность «чужому» – сакрально нечистому. Так, в древнегреческих мифах внешний неосвоенный мир предстает лишенным света (сравн. также славянские представления о своем мире как о «свете»), там дует ледяной ветер и текут ядовитые реки, размножены чудища, полулюди, полужвери, глаза которых излучают противоестественный свет, а дыхание режет, как ножом [23]. В русской фразеологии типовое представление о «чужом» пространстве отображено в идиомах *куда Макар телят не гонял, у черта на куличках*, значение которых указывает на чрезмерную отдаленность и неизвестность пространственных координат. В целом же в древнерусской культуре концепт «мир (пространство)» продолжает архаические представления. Это пространство сравнительно небольшое, ограниченное от остального мира, где живут

«свои», «мы», «наше племя»; это место, где процветает «жизнь» и, возможно, где она была «зарождена» [23, с. 95-100].

В языковой картине мира носителей русского языка нашли отображение представления, в которых центром перемещений вещей, явлений и ценностей является человеческое тело, объединяющее в себе все многообразие вселенной. Сознание человека, антропоцентрическое по своей природе, организует непредметную действительность по аналогии с пространством и временем мира, данного в непосредственных ощущениях. Психологи утверждают, что главная причина, которая определяет нелинейность связей между величинами ощущений и соответствующими им физическими величинами, – это многомерный характер психического отражения, т.е. наличие определенной сенсорно-перцептивной организации, объединяющей всю совокупность органов в целостную систему. Вероятно, можно говорить о принципиальном единстве языковой и образной семантики для глубинного уровня отражения, вернее, о том, что «языковая категориальная система в конечном итоге погружена, покоится на более глобальных категориях, заданных в образном плане» [24]. Последние научные достижения в области физиологии эмоций подтверждают положение о дифференциации физиологических сдвигов в организме человека, сопровождающих эмоции. Эти положения с известным допущением иллюстрируются внутренней формой многих фразеологизмов (*голова раскалывается, сердце оборвалось, в глазах темно, в ушах звенит* и т.п.). Биоэнергетические процессы, связанные с жизнеобеспечением, проявляются в расширении внутренних органов, т.е. через ощущаемое движение от середины тела к окраинам. Волны возбуждения биоэнергии в теле регистрируются пульсацией крови, биением сердца, движением внутренних органов, учащенным дыханием. Такое состояние организма в ряде языков описывается с помощью фразеологизмов с компонентом **сердце**: *сердце готово выскочить из груди, сердце рвется (к кому-либо или чему-либо), сердце колотится, сердце в пятках, с упавшим сердцем, хвататься за сердце* и т.д. Начальное ощущение неприятного соединяется с физической болью и характеризуется понижением активности тела, пульсацией и кровяных сосудов и сердца, происходит то, что называют «сворачиванием тела». Такое состояние прямо отображено фразеологизмами: *сердце замерло, сердце щемит, сердце сжалось* и др. С помощью фразеологизмов *горячее сердце и холодное сердце* оценивают человека с повышенной эмоциональностью и неземонального вовсе. Поскольку когнитивистами уже достаточно убедительно доказано, что мысль телесна, что связи интеллектуальных процессов и ощущений тела, его моторики, кинетики, поведения достаточно тесны, становится понятным тот факт, что в языковой картине мира носителей русского языка наиболее продуктивны символичные значения лексемы **сердце** – «локация центра отрицательных эмоций», «локация центра положительных эмоций», «центр глубоких эмоциональных состояний». Подобные значения не развиты у лексемы **душа**, хотя она столь же часто используется для описания психического состояния человека. Здесь следует отметить, что при использовании в таких случаях фразеологизмов с компонентом **душа** проводится экспликация более глубокого состояния психики, связанного с миром конкретной человеческой личности, его индивидуальным опытом, внутренними проблемами, возникшими в результате личного взаимодействия человека с миром. «Душа» более эксплицитно, чем

«сердце», выражает уникальность человеческого «я», хотя «душа» в большей степени, чем «сердце» как в узуальных, так и в индивидуальных представлениях допускает столкновение диаметрально противоположных качеств и даже возможность явного перевеса отрицательных свойств, например: *черная душа, подлая душа*. Представление об отрицательных свойствах личности во фразеологизмах с компонентом *сердце* выражено менее беспощадно, с большей степенью физиологизации названного сердцем: *холодное сердце, ледяное сердце, каменное сердце, сердце мохом обросло*. В подавляющем же большинстве узуальных и индивидуальных представлений «душа» связана с позитивной картиной мира, в которой главным является отношение, направленное на других людей. Тот факт, что во фразеологическом фонде русского языка отмечается более ста идиом с компонентом *душа* и эти языковые единицы являются едва ли не самыми продуктивными при описании психического состояния человека (в противовес менее популярным ФЕ с компонентом *сердце*), можно объяснить спецификой русского сознания, неоднократно отмечаемой лингвистами (см. подробнее о культурно-национальной специфике образа души [25]). В самом деле, более широкое использование ФЕ с компонентом *душа* объясняется стремлением носителя языка описать не просто свое эмоциональное состояние (для этого используются фразеологизмы с лексемой *сердце*), а описать свой личный психический опыт и в акте вербализации передать его другим. Антропологи говорят о «западных» языках вообще как о крайне сосредоточенных на эмоциях, т.е. исключительно богатых терминами, выражающими эмоции (по их мнению, это следствие западного индивидуализма и склонности к интроспекции; см. подробнее Howell, Heelas, Lutz). Поэтому следует отметить, что именно русский язык выступает как язык, в котором описанию эмоций уделяется довольно большое внимание: это и специфика «работы» в языке эмоциональных глаголов, и арсенал синтаксических конструкций (см. подробнее исследования А. Иорданской, А. А. Зализняк, Н.Д. Арутюновой, А. Вежбицкой), и столь широкое использование ФЕ с опорными наименованиями *душа* и *сердце* подтверждает тот факт, что русский язык имеет богатый запас и собственно лексических средств для выражения и разграничения эмоций и эмоциональных оттенков. Таким образом, в общем виде культурно-национальная семантика компонентов *душа* и *сердце* может быть обозначена как «главные центры психической и эмоциональной жизни человека». Но при этом *душа* эксплицирует психический мир человеческой личности, накапливающий опыт взаимодействия этой личности с внешним миром, а с лексемой *сердце* связана собственно эмоциональная жизнь человека. Таким образом, главным фактором, обуславливающим результаты интерпретации, закрепленные в языковой картине мира, является действие механизма вторичных ощущений с его стереотипностью, антропоцентризмом, аналоговостью, преломленные через жизнедеятельность человека. Ассоциации эмпирического обыденного сознания выражают сложнейший мир исторического преломления человеческих восприятий и представлений через опыт реальной, материальной и духовной жизни народа. Оценочные представления связываются с эталонами, стереотипами обыденного сознания, влияющими на восприятие мира данным этносом, и отображаются в его языковой картине мира.

Л и т е р а т у р а

1. *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 55.
2. *Касевич В.Б.* Буддизм. Картина мира. Язык. СПб., 1996. («Orientalia»). С. 77-78.
3. *Золотарев А.М.* Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964. С. 291.
4. *Иванов В.В. Топоров В.Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период). М., 1965. – 530 с.
5. *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М., 1984. – 286 с.
6. *Колшанский Г.В.* Коммуникативная функция и структура языка. М., 1984. – 175 с.
7. *Петренко В.Ф.* Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. М., 1983. – 212 с.
8. *Яковлева Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994. – 344 с.
9. *Серебренников Б.А.* Язык отражает действительность или выражает ее знакомым способом? // Роль человеческого фактора в языке. М., 1988. С.6.
10. *Асмус В.Ф.* Историко-философские этюды. М., 1984. С. 32.
11. *Брунер Дж.* Психология познания. За пределами непосредственной информации. М., 1977. С. 343.
12. *Маслова В.А.* К построению психолингвистической модели коннотации // Вопросы языкознания, 1989, № 1. С. 108-120.
13. *Гостев А.А.* Индивидуальные особенности представлений: Некоторые результаты, проблемы и перспективы изучения. Когнитивная психология. М., 1986. С. 128.
14. *Серебренников Б.А.* О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983. С. 91.
15. *Постовалова В.И.* Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988. С. 8-69.
16. *Телия В.Н.* Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация. Виды наименований. М., 1988. С. 173-204.
17. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987. С. 42.
18. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. С. 242.
19. *Уфимцева А.А.* Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988. С. 151.
20. *Телия В.Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986. С. 9.
21. *Леонтьев А.А.* Психолингвистический аспект языкового значения // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976. С. 66.
22. *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990. С. 335-406.
23. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
24. *Ломов Б.Ф., Беляева А.В., Носуленко В.Н.* Вербальное кодирование в познавательных процессах. М., 1986. С. 117.
25. *Оксенчук А.Е.* Следы древних мифов о душе в русской фразеологии // Вестник ВГУ, 1996, № 2. С. 84-89.